

ЛЕКСИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫЙ СИНТАКСИС В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ РЕЦИПРОКАЛЬНОСТИ

В. Н. Картавец

Воронежский государственный университет

LEXICO-SYNTACTIC ANALYSIS IN THE STUDY OF LANGUAGE RECIPROCITY

V. N. Kartavtsev

Voronezh State University

Поступила в редакцию 20 июня 2019 г.

Аннотация: настоящая статья посвящена проблеме изучения скрытой языковой реципрокальности. В связи с этим нами показан взаимодополнительный характер дискретного и недискретного подходов к грамматике. Рассматривается применение методик лексически ориентированного синтаксиса для выделения типологически значимых классов в составе категории реципрокальности. Выделяются три класса глаголов, различным образом выражающих реципрокальность в русском и английском языках. Определяются границы и структура скрытого сегмента в составе категории взаимности в русском языке. Изучение свойств скрытой реципрокальности осуществляется на основе корпусного анализа лексико-синтаксического функционирования пятнадцати глаголов разных морфологических типов, несущих взаимное значение. Анализируется, как словоупотребления глаголов распределяются между тремя основными структурными схемами простого предложения, в рамках которых выражается реципрокальность. Глаголы с высокой частотностью употребления в схеме, где разные участники взаимного действия находят выражение в подлежащем и дополнении, являются глаголами из лексико-семантической группы военных действий. При этом среди их словоупотреблений очень велика доля эллиптических. В свою очередь, глаголы, испытывающие наиболее сильное тяготение к схеме с подлежащим, в котором выражены все участники взаимного действия, являются глаголами речевого действия и одновременно лексемами с реципрокально-односторонней полисемией. Последнее означает, что в семантике данных глаголов присутствует как значение одностороннего действия, так и значение взаимного действия. В результате исследования выявляется зависимость между системными отношениями в лексической семантике и особенностями синтагматики данных глаголов. Полученные результаты позволяют нам заключить, что между явной и скрытой реципрокальностью существуют переходные зоны.

Ключевые слова: грамматика конструкций, криптокласс, лексико-семантическая типология, лексически ориентированный синтаксис, реципрокальность, скрытая категория.

Abstract: the article looks at covert language reciprocity. We show that discrete and non-discrete approaches to the study of grammar are complementary and methods of lexico-syntactic analysis can be applied in identification of typologically relevant reciprocal verbal classes. The three classes of verbs that differ in the way how they express reciprocity can be distinguished in the Russian and English languages. We define limits and structure of covert reciprocity in Russian. The analysis of covert reciprocity properties is based on corpus research of fifteen morphologically different reciprocal verbs lexico-syntactic functioning. We analyse how their usage is distributed between the three syntactic patterns which reciprocity is expressed in. The verbs frequently used in the pattern where different participants of the situation are expressed in syntactic positions of the subject and the object represent the lexico-semantic group of military actions. The usage of constructions with them is often elliptic. As for the verbs that have the tendency to be used in the pattern with the subject expressing all the participants of the situation, they appear to be simultaneously the verbs of speech actions and the verbs with reciprocal-unilateral polysemy. The latter means that in their semantics there are both reciprocal and unilateral meanings. The research reveals the dependence between systemic lexico-semantic and syntactic characteristics of the verbs analysed. This

dependence speaks in favour of intermediate zones between covert and overt reciprocity.

Key words: *construction grammar, cryptotype, lexico-semantic typology, lexico-syntactic analysis, reciprocity, covert category.*

Реципрокальность – языковая категория, представляющая собой систему различных вариантов семантики взаимности и выражающих их языковых средств – лексических и грамматических реципроков [1]. Скрытая категория, по определению А. А. Кретьева, не является грамматически выраженной в языке [2].

Актуальность исследования объясняется необходимостью включения глагольной лексики в исследование скрытой категориальности, разрабатывавшейся ранее на материале лексики именной [3–5]. Включение в исследование новых классов объектов действительности является необходимым условием апробации его результатов. Так, В. Б. Кашкин, разрабатывая континуально-дискретный принцип в универсальной функциональной грамматике вначале на примере глагольной категории, впоследствии дополнил и углубил свое исследование на материале неопределенного артикля [6].

Согласно Т. Куну, по мере развития науки и накопления в ней внутренних противоречий происходят научные революции – периоды скачкообразных изменений в научных подходах, методологии и т. д. [7]. При этом верно и обратное: никакая научная революция не сопровождается полным разрывом с предыдущим этапом. Так, в языкознании идея уровней языка не потеряла своей актуальности и при появлении полевого подхода к языку [8], а позднее, при становлении недискретной концепции грамматичности понятия дискретной грамматики продолжают служить исследователю как ориентиры в новой «зыбкой» и «аморфной», по определению В. А. Плунгяна [9, с. 9], картине языка. Последняя ситуация напоминает измерение палеткой площади амебообразной плоской фигуры.

Что же касается «внутренней жизни» объяснительных парадигм от кризиса до кризиса, то там происходит поступательное движение научной мысли, основанное на отношениях преемственности, складываются устойчивые направления. Таковым является функциональное направление в современной лингвистике, сложившееся в рамках номинативно-прагматической парадигмы [10] (см. также об антропоцентрической парадигме [11], концепцию трех парадигм [12]). Данное направление весьма разнородно и складывалось в разных условиях. На Западе функционализм сформировался в противопоставлении формализму Н. Хомского. В отечественном языкознании функциональная лингвистика развивается в многочисленных вариантах функциональных грамматик (например, обзор функционально-грамма-

тических работ в [13; 14]), становление которых было связано с появлением полевого подхода и семантизацией синтаксиса, и функциональном подходе А. Е. Кибрика и его школы, который явился результатом преодоления сугубо математизированного, структурного подхода к языковым явлениям в отечественном структурализме [15–18].

В самом функциональном направлении один из примеров диалектики фундаментальной основы научного поиска и открытости новому является история Воронежской синтаксической школы. Так, И. П. Распопов ввел в иерархию языковых уровней коммуникативный компонент в виде коммуникативно-синтаксического уровня [19]. А. М. Ломов, разрабатывая теорию функциональных подсистем (по сути своей межуровневых, сквозных), указывал, что «основные уровневые понятия... обязательны, так как для функциональной подсистемы далеко не безразлично, чем передаются те или иные содержательные признаки» [8, с. 16]. Авторы теории лексически ориентированного синтаксиса, в свою очередь, опираясь на концепцию устройства и функционирования предложения И. П. Распопова и модель семантики высказывания А. М. Ломова, развивают свою теорию в направлении недискретной концепции грамматики [20].

Аналогичная поступательность движения научной мысли видится нам необходимой и при изучении такого языкового феномена, как скрытая реципрокальность. Мы проводим исследование скрытых реципроков – русских и английских глаголов, опираясь, прежде всего, на методологию изучения именных криптоклассов [3–5]. Однако поскольку метод криптоклассного анализа применялся к изучению именной непредметной лексики, необходимо его модифицировать применительно к изучению глаголов.

Основу нашего изучения реципрокальных глаголов составляют следующие положения функциональной грамматики и близких ей подходов (расположены от общего к частному):

- полевой подход к изучению языковых категорий А. В. Бондарко [21];
- моделирование синтаксической семантики А. Мустайоки [13];
- классификация различных средств выражения взаимности в языках мира рабочей группой В. П. Недялкова [1];
- выделение лексико-грамматического разряда взаимно-возвратных глаголов в русском языке А. М. Ломовым и исчисление его представителей М. А. Шелякиным [22; 23], сопоставление данных

средств выражения взаимности с таковыми в английском языке [24];

– деривационно-морфологическая классификация взаимно-возвратных глаголов Ю. П. Князева [25].

В качестве направления дальнейшего движения нам, вслед за Т. М. Чирко и Т. М. Ломовой, представляется обращение к недискретным, широким грамматическим концепциям В. А. Виноградова, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, В. А. Плунгяна и В. Б. Кашкина [6; 9; 26; 27]. Не менее важна в этом контексте и Грамматика конструкций – проекция идей недискретной грамматичности на область языковой синтагматики [28; 29]. В рамках вышеназванных концепций обосновываются принципиальные для понимания сути скрытой языковой реципрокальности понятия языкового континуума, переходных зон в грамматике, нулевой грамматикализованности; положения о конструкциях как основе анализа и о тяготении их элементов к определенному окружению. Немаловажным для нас оказывается изучение лексико-семантической типологии, так как, имея дело с нулевой грамматикализованностью, мы оказываемся в области лексического (ср. высказывание В. И. Карасика о скрытых категориях как о переходной зоне между лексикой и грамматикой [30, с. 9–10].

Необходимое, таким образом, сочетание подходов мы продемонстрируем на конкретном примере – применении положений лексически ориентированного синтаксиса в лексико-семантической типологии на материале реципрокальности.

Термин «лексически ориентированный синтаксис» был предложен А. М. Ломовым и означает «вариант синтаксиса, последовательно учитывающего, с одной стороны, лексико-грамматическое выражение семантико-функциональных звеньев предложения, а с другой – комбинаторику использованных лексико-грамматических средств, что предполагает анализ валентных свойств последних» [31, с. 132]. В рамках Воронежской синтаксической школы данный подход получил значительное развитие на материале английского языка в трудах Т. М. Чирко и Т. М. Ломовой [20; 32–34].

Лексико-семантическая типология, в свою очередь, является довольно молодым направлением лингвистической науки и ставит перед собой задачу построить единую классификацию лексики языков мира на семантической основе, что предполагает системное описание сходств и различий в семантике лексем, лексико-семантических групп и полей на материале большого количества языков [35].

Несмотря на свою новизну, лексическая типология не является с методологической точки зрения однородной. Е. В. Рахилина и В. А. Плунгян выделяют два направления в мировой лексико-семантической типологии: работы в русле теории грамматикализации и «типологические работы, которые изучают лексические особенности слов, отраженные в их

грамматическом поведении» [35, с. 10–11]. Ниже на материале глаголов взаимного действия мы покажем, как методология лексически ориентированного синтаксиса позволяет нейтрализовать различие в этих двух подходах и получить целостную картину изучаемого явления в лексико-типологическом аспекте.

Категория взаимности существует во многих языках мира. В рамках грамматической типологии она была подробно описана В. П. Недялковым и его рабочей группой на материале десятков языков [1]. Мы возьмем только русские и английские глаголы взаимного действия, причем такие, когда во взаимные отношения благодаря этому действию вовлечены субъекты некоей ситуации. Если мы рассмотрим контексты, в которых данные глаголы функционируют, то обнаружим, что с лексико-синтаксической точки зрения эти глаголы могут образовывать три типа синтаксических конструкций (иначе – структурных схем простого предложения, далее – ССПП):

– конструкция с подлежащим, выражающим участников взаимного действия – ССПП 1:

Петр и Иван разговаривают;

The empires consulted quickly;

– конструкция с подлежащим, выражающим участников взаимного действия, и с местоименным показателем взаимности – ССПП 2:

Они держали друг друга за руки;

They didn't speak to each other;

– конструкция, где в правом контексте предиката в позиции дополнения выражен пассивизированный участник взаимного действия – ССПП 3:

I spoke to Lui;

Михаил встретился с Костей на углу.

При этом в обоих языках мы можем выделить три группы глаголов на основании того, в каких из приведенных выше типах конструкций они употребляются и выражают взаимность.

В первый класс входят глаголы взаимного действия, употребляющиеся во всех трех типах конструкций: английские – *argue, coincide, cooperate, fight* и др., и русские – такие как *воевать, ссориться, беседовать*.

Второй класс представляют так называемые «полусимметричные» глаголы [25], реализующие взаимную семантику только в двух типах конструкций – ССПП 1 и ССПП 2 – например, английские глаголы *embrace, disagree*, русский глагол *поздороваться*. Так, из высказывания *Она поздоровалась со мной* не следует, что *Мы с ней поздоровались*.

Третий – самый широкий класс – включает те глаголы, которые реализуют взаимную семантику только при наличии в конструкции взаимного местоимения – *друг друга / один другого, между собой, each other / one another, between our-/your-/themselves*. К последнему классу относится огромное множество переходных глаголов. Например:

*Дети бросали друг в друга снежки;
...They have to think about each other.*

Если мы выберем другой исследовательский маршрут и рассмотрим, каковы лексико-грамматические свойства единиц, занимающих позиции предиката в русских и английских конструкциях, выражающих взаимность, то первый класс глаголов в обоих языках – глаголов, взаимных в полном смысле слова вне зависимости от их окружения, – будет весьма разнообразным с точки зрения морфологии и словообразования. Так, в английском языке в класс взаимных глаголов войдут и «корневые глаголы» – root verbs (термин В. П. Недялкова [1]) – глаголы, взаимное значение которых заключено в корне – такие как *meet*, *fight*, *talk*, – и множество глаголов с префиксами, участвующими в выражении взаимного значения. Таковы, например, *cooperate*, *diverge*, *intermarry*. В русском языке деривационно-морфологические свойства глаголов данного класса будут еще более разнообразны: глаголы, в которых прибавление постфикса –ся означает простое приращение взаимного смысла (*ругать* – *ругаться*), глаголы, у которых есть постфикс –ся, но такой простой трансформации смысла при словообразовании не происходит (*драться*, *общаться*). Наконец, в данную группу входят глаголы без –ся, имеющие или не имеющие префиксы, отличающие их от своих односторонних коррелятов (*разговаривать*, *соперничать*, *враждовать*, *дружить*) (см. о деривационно-морфологических классах русских реципрокальных глаголов в [25]).

Подобное разнообразие требует выяснения системных свойств и статуса морфологических подклассов, входящих в данную категорию глаголов. Например, какие из них относятся к скрытому типу выражения взаимности? Ведь скрытая категориальность в лексике языка – составная часть лексико-типологического описания, когда составляются классы

слов, разобщенных на грамматическом уровне, но вступающих в разных языках в системные отношения на уровне семантическом [3].

Здесь мы снова возвращаемся на исследовательский маршрут, предполагающий изучение лексико-синтаксического контекста слов, только уже в его динамическом аспекте (см. о динамическом аспекте грамматических явлений [36]). Существуют ли, говоря в терминах Г. П. Мельникова [37], системные интенции языковых единиц, «подталкивающие» говорящего в пользу выбора той или иной конструкции, когда перед ним стоит выбор, в какой из трех выше-названных конструкций употребить взаимный глагол? Иными словами, есть ли у глаголов тенденции быть употребленными в определенном типе конструкций, кроме стихийного фактора наличествующей коммуникативной ситуации? Такое тяготение может быть выявлено в ходе корпусного исследования, близкого к коллокационному анализу, предложенному С. Грисом и А. Стефановичем в рамках Грамматики конструкций [38].

Русские реципрокальные глаголы более разнообразны в морфологическом плане, чем английские (в русском языке есть специальный лексико-грамматический разряд – взаимно-возвратные глаголы на –ся, который также подвергается внутреннему членению (см. выше)). Поэтому мы провели наше корпусное исследование на материале 15 русских взаимных глаголов, относящихся к пяти различным морфологическим типам.

Постараемся интерпретировать полученные на основе данных Национального корпуса русского языка результаты [39]. Посмотрим на глаголы, тяготеющие к экстремальным значениям. В этой связи обращают на себя внимание глаголы *воевать* и *сражаться* – лидеры по количеству словоупотреблений в ССПП 3 (рисунок).

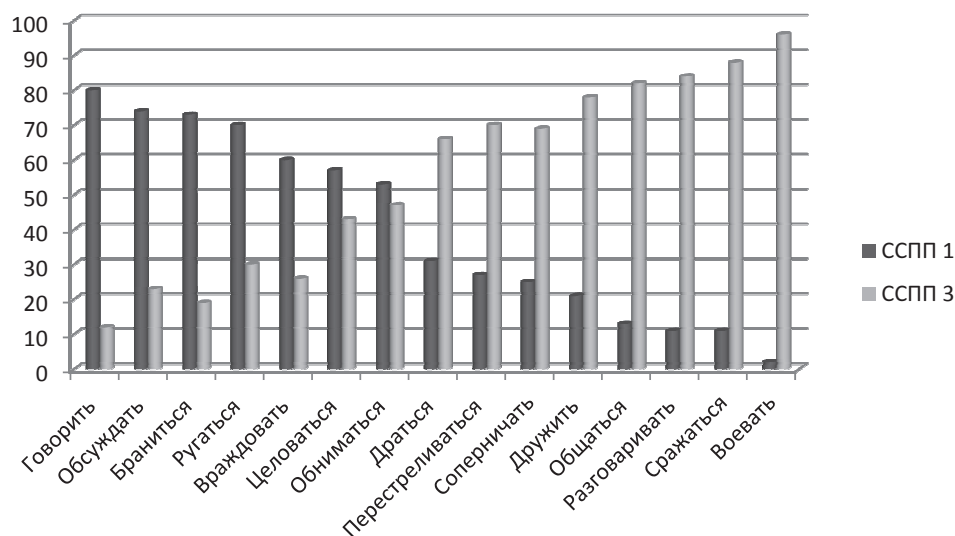

Рисунок. Степень тяготения русских реципрокальных глаголов к ССПП по данным Национального корпуса русского языка

При этом глагол *воевать* оказывается, с одной стороны, глаголом, наиболее редко (из всех проанализированных глаголов) проецирующим комитативную конструкцию с предлогом *с* для выражения второго участника в конфликте:

Мой папа на войне, воюет с немцами, главный у них – Гитлер, папа его убьет (И. Грекова. Перелом).

С другой стороны, этот глагол наиболее часто употребляется в эллиптической конструкции, когда второй участник подразумевается и не выражен эксплицитно:

Говорят же, у вас все, старые и малые воюют? (В. Быков. Болото).

Более того, эллиптическими являются большинство словоупотреблений данного глагола – 71 %. По ряду параметров схожим с глаголом *воевать* оказывается и близкий ему в семантическом плане глагол *сражаться*. Оба глагола демонстрируют низкую совместную встречаемость с другими реципроками, часто употребляются в ССПП 3, у глагола *сражаться* также находим немало эллиптических употреблений (50 % от общего числа):

Дайте армии цели и идеи, за которые можно сражаться (А. Андреев. Будущее принадлежит нам!).

Все эти наблюдения говорят в пользу того, что в коммуникации при употреблении данных глаголов говорящий делает акцент на факте участия агенса в военных действиях, его включенности в ситуацию в большей степени, чем на взаимном характере этой ситуации. Наиболее характерно последнее свойство для сферы употребления глагола *воевать*, когда зачастую сам контекст и общий когнитивный фон коммуникантов исключают любую неопределенность в понимании того, о каких событиях идет речь (в противовес глаголу *соперничать*, когда, наоборот, в подавляющем большинстве случаев говорится о том, кто с кем соперничает).

Последнее названное свойство глагола *воевать* приобрело в русской лингвокультуре особое значение – чаще всего, говоря о войне и не уточняя, о какой именно, имеют в виду Великую Отечественную войну.

Теперь обратимся к глаголам, тяготеющим к противоположному полюсу. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что самая высокая доля ССПП 1 среди всех словоупотреблений – у глаголов речевого действия с реципрокально-односторонней полисемией. Действительно, к употреблению в данной конструкции тяготеют именно глаголы, у которых в семанте присутствует как значение одностороннего действия, так и взаимная семема: *говорить*, *браниться*, *ругаться*, с некоторыми оговорками – *обсуждать* (см. примеры реципрокально-односторонней полисемии: *он говорит правду* (одностороннее значение); *они говорили* (= разговаривали) *о доме* (реципрокальное значение); *он говорил об этом с Максимом* (ре-

ципрокальное значение); *он ругался на товарищей* (одностороннее значение); *они постоянно ругались и не ладили* (реципрокальное значение)).

Появление такой тенденции у данных глаголов объясняется влиянием их другого лексико-семантического варианта (далее – ЛСВ) – с семантикой одностороннего действия. В условиях, когда необходимо различить ЛСВ с односторонним и взаимным значениями, устранить двусмысленность и дать слушающему понять о наличии взаимной семантики, говорящий выбирает ту конструкцию, которая ярче выражает особенности семантики конкретного ЛСВ в аспекте ее взаимности/односторонности. Так, в случае когда говорящему необходимо передать информацию о взаимном действии, он скорее избирает ССПП 1, так как именно в рамках данной конструкции оба участника ситуации выражены подлежащим. Последнее подчеркивает их равную вовлеченность в идентичное действие, что зеркально отражает семантическую структуру взаимности (см. о выражении равной и различной вовлеченности в грамматике [40]).

Какие выводы можно сделать из данных наблюдений? Как мы видим, к радикальным показателям функционирования тяготеют, «сбиваются» глаголы из одних и тех же лексико-семантических полей – парадигм. Ведь мы рассматриваем лексические единицы, вступающие в парадигматические отношения в рамках «своей» лексико-фразеологической подсистемы на основании общности лексического значения (системообразующий фактор). На этих отношениях основаны лексико-семантические группировки – поля. Таким образом, объяснение тяготения языковых единиц к экстремальным показателям лексико-синтаксического функционирования заключается в их парадигматике. Иными словами, лексико-синтаксическое функционирование глаголов, т. е. их синтаксис, имеет, выражаясь словами Т. М. Чирко и Т. М. Ломовой, «парадигматические основания» (ср. с выводами, полученными в [33]). В нашем случае – еще и эпидигматическое основание, поскольку к ССПП 1 тяготеют многозначные глаголы с определенным параметром многозначности – реципрокально-односторонней полисемией. Эпидигматика – многозначность – является типологически значимым параметром в лексической нуклеологии [41]. Только в нашем случае релевантной становится качественная, а не количественная характеристика многозначности.

В отношении глаголов, занимающих промежуточные значения лексико-синтаксических показателей, мы также можем сделать вывод, что фактором, определяющим их функционирование является лексическая семантика. Действительно, схожим оказывается функционирование глаголов действий, связанных с проявлением теплых чувств: *обниматься* и

целоваться; социального взаимодействия: *дружить, общаться, разговаривать*; конфронтации: *драться, перестреливаться, соперничать*. Здесь, однако, нет такой четкости, как в зонах радикальных значений: слова из одной и той же группировки, как видим, оказываются «не по соседству». При этом фактор морфологического оформления глагола, на основании которого глагол и причисляется к категории скрытых средств выражения взаимности, в большинстве случаев оказался нерелевантным. То есть контекстуальное поведение какого-либо морфологического типа глаголов не отличалось явно от глаголов других типов.

На основании этого мы заключаем, что взаимные глаголы в русском языке представляют своеобразный континуум, в котором существуют переходные зоны неполной скрытости (куда относятся такие префиксальные глаголы, как *соперничать, разговаривать*) и разной степени явности (ср. *обниматься* и *обцаться*).

Таким образом, последовательно используя на разных этапах исследовательские маршруты лексически ориентированного синтаксиса – от слова к его комбинаторике и конструкции и от конструкции к слову – мы предложили решение частной лексико-типологической задачи. В рамках Воронежской лексико-типологической группы комбинаторика языковых единиц, являющаяся предметом лексически ориентированного синтаксиса, давала и продолжает давать ценные исследовательские решения, вплоть до методологических [42], что свидетельствует об органичной связи рассмотренного варианта синтаксиса с лексико-семантической типологией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nedjalkov V. P. Reciprocal Constructions / V. P. Nedjalkov et al. – Amsterdam : John Benjamins, 2007. – V. 1–5. – 2219 p.
2. Кретов А. А. Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков / А. А. Кретов, В. Т. Титов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 7–12.
3. Борискина О. О. Криптоклассы английского языка / О. О. Борискина. – Воронеж : Истоки, 2011. – 333 с.
4. Донина О. В. Скрытая категоризация эмоций в вариантах языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Донина. – Воронеж, 2017. – 24 с.
5. Голикова О. А. Именная классификативность в языке : криптокласс «Res Planae» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Голикова. – Воронеж, 2018. – 28 с.
6. Кашкин В. Б. Функциональная типология (неопределенный артикль) / В. Б. Кашкин. – Воронеж : Издательство ВГТУ, 2001. – 255 с.
7. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун ; общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. – М. : Прогресс, 1975. – 288 с.
8. Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии / А. М. Ломов. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1977. – 140 с.
9. Плунгян В. А. Грамматические категории, их аналоги и заместители : дис. ... д-ра филол. наук / В. А. Плунгян. – М., 1998. – 256 с.
10. Ломов А. М. Типология русского предложения / А. М. Ломов. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1994. – 277 с.
11. Кашкин В. Б. Кто вы, Monsieur de Saussure? (контекст и последствия сосюрсовской теории) / В. Б. Кашкин // Идеи Фердинанда де Соссюра в современной лингвистике : сб. науч. трудов. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2007. – С. 6–20.
12. Сусов И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И. П. Сусов // Языковое общение : процессы и единицы. – Калинин : КГУ, 1988. – С. 7–13.
13. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса / А. Мустайоки. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 509 с.
14. Копров В. Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков : монография / В. Ю. Копров. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – 348 с.
15. Кибрик А. Е. Типология : таксономическая или объяснительная, статическая или динамическая / А. Е. Кибрик // Вопросы языкознания. – М., 1989. – № 1. – С. 5–15.
16. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. – М. : РГГУ, 2001. – 800 с.
17. Алпатов В. М. Александр Евгеньевич Кибрик : от структурализма к новым идеям / В. М. Алпатов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. Медунар. конф. «Диалог». – М. : РГГУ, 2013. – Вып. 12 (19). – С. 17–26.
18. Федорова О. В. Александр Евгеньевич Кибрик / О. В. Федорова // Отечественные лингвисты XX века / отв. ред. В. В. Потапов. – М. : ЯСК, 2016. – С. 227–243.
19. Распопов И. П. Система языка и ее уровни / И. П. Распопов // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж : Издательство ВГУ, 1976. – С. 134–153.
20. Ломова Т. М. К вопросу о грамматической периферии : глагол fail как «контекстный вытеснитель» / Т. М. Ломова, Т. М. Чирко // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2014. – Вып. 12. – С. 241–254.
21. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1971. – 112 с.
22. Распопов И. П. Основы русской грамматики : морфология и синтаксис / И. П. Распопов, А. М. Ломов. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1984. – 361 с.
23. Шелякин М. А. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости / М. А. Шелякин // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб. : Наука, 1991. – С. 312–326.

24. Лукина С. Л. Русские возвратные глаголы и их английские эквиваленты : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Л. Лукина. – Воронеж, 2001. – 16 с.

25. Князев Ю. П. Грамматическая семантика : русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 704 с.

26. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

27. Виноградов В. А. Вариативность именных классификаций / В. А. Виноградов // Языки мира : Проблемы языковой вариативности. – М. : Наука, 1990. – С. 171–209.

28. Fillmore Ch. J. The mechanisms of “Construction Grammar” / Ch. J. Fillmore // Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. – 1988. – 14. – P. 35–55.

29. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. – М. : Азбуковник, 2010. – 584 с.

30. Карасик В. И. Категориальные признаки в значении слова / В. И. Карасик. – М. : МОПИ, 1988. – 112 с.

31. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке : понятийный словарь-справочник / А. М. Ломов. – Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2004. – 400 с.

32. Чирко Т. М. Скрытая грамматика и языковая компетенция обучаемых / Т. М. Чирко, Т. М. Ломова // Актуальные проблемы языкового образования в России XXI века : междунар. науч.-метод. конф. – Воронеж, 2000. – Ч. 1. – С. 149–155.

33. Чирко Т. М. Синтагматика актуальных смыслов и ее парадигматические основания / Т. М. Чирко, Т. М. Ломова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 7–11.

34. Ломова Т. М. «Язык как фразеология» : опыт лексико-синтаксического описания / Т. М. Ломова, Т. М. Чирко // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2010. – Вып. 8. – С. 202–212.

35. Рахилина Е. В. О лексико-семантической типологии / Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян // Глаголы движения в воде : лексическая типология / Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). – М. : Индрик, 2007. – С. 9–26.

36. Кашкин В. Б. Факторная модель грамматического действия и перевод / В. Б. Кашкин // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 2. – С. 65–70.

37. Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики / Г. П. Мельников ; под ред. Ю. Г. Косарева. – М. : Сов. радио, 1978. – 368 с.

38. Stefanowitsch An. Collostructions : Investigating the interaction of words and constructions / An. Stefanowitsch, St. Th. Gries // International Journal of Corpus Linguistics. – 2003. – № 8. – P. 209–243.

39. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>

40. Collins COBUILD English Grammar. – Harper Collins Publishers, 1990. – 486 p.

41. Меркулова И. А. Лексическая нуклеология славянских языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. А. Меркулова. – Тверь, 2018. – 35 с.

42. Борискина О. О. Английский криптокласс «Res Longa», или и все-таки они колются / О. О. Борискина, О. Доница // Проблемы лексико-семантической типологии : сб. науч. трудов. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2011. – С. 84–95.

REFERENCES

1. Nadjalkov V. P. et al. *Reciprocal Constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 2007. V. 1–5. 2219 p.

2. Kretov A. A., Titov V. T. Rol' skrytykh kategorii v tipologicheskom opisanii grammatiki romanskikh iazykov [The Role of Cryptotypes in Typological Description of the Grammar of the Roman Languages]. *Vestnik VGU: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikacia*. 2010. No 1. P. 7–12.

3. Boriskina O. O. *Kriptoklassy anglijskogo yazyka* [Cryptotypes of the English Language]. Voronezh: Istoki, 2011. 333 p.

4. Donina O. V. *Skrytaia kategorizatsia emotsij v variantakh jazyka* [Covert Categorization of Emotions in Variants of the Language]. PhD Dissertation Abstract. Voronezh: Voronezh State University, 2017. 24 p.

5. Golikova O. A. *Imennaia klassifikativnost' v jazyke: kriptoklass "Res Planae"* [Nominative Classification in the Language: the Cryptotype "Res Planae"]. PhD Dissertation Abstract. Voronezh: Voronezh State University, 2018. 28 p.

6. Kashkin V. B. *Funktsional'naja tipologija (neopredelennyi artikl')* [Functional Typology (Indefinite Article)]. Voronezh: VGTU, 2001. 255 p.

7. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsij* [The Structure of Scientific Revolutions]. Ed. by S. R. Mikulinskij and L. A. Markova. Moscow: Progress, 1975. 255 p.

8. Lomov A. M. *Ocherki po russkoj aspektologii* [Essays on Russian aspectology]. Voronezh: VGU, 1977. 140 p.

9. Plungyan V. A. *Grammaticheskie kategorii, ikh analogi i zamestiteli* [Grammatical Categories, their Analogues and Substitutes]. Doctoral Dissertation. Moscow: Moscow State University, 1998. 256 p.

10. Lomov A. M. *Tipologiya russkogo predlozheniya* [Typology of the Russian sentence]. Voronezh: VGU, 1994. 277 p.

11. Kashkin V. B. Kto vy, Monsieur de Saussure? (kontekst i posledstviya sossyurovskoj teorii) [What are you, Monsieur de Saussure? (context and consequences of Saussure's theory)]. *Idei Ferdinanda de Sossyura v sovremennoj lingvistike* [The Ideas of Ferdinand de Saussure in Modern Linguistics]. Voronezh: VGU, 2007. P. 6–20.

12. Susov I. P. Deyatel'nost', soznanie, diskurs i yazykovaya sistema [Activity, conscience, discourse and language system]. *Yazykovoe obshchenie: Protsessy i jedinitsy* [Verbal communication: the processes and the units]. Kalinin: KGU, 1988. P. 7–13.

13. Mustajoki A. *Teoriya funktsional'nogo sintaksisa* [Theory of functional syntax]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2006. 509 p.

14. Koprov V. Y. *Semantiko-funkcional'naya grammatika russkogo i anglijskogo jazykov* [Semantic-Functional Grammar of the Russian and English Languages]. Moscow: Flinta: Nauka, 2016. 348 p.
15. Kibrik A. E. Tipologiya: taksonomicheskaya ili objasnitel'naja, staticheskaja ili dinamicheskaja [Typology: taxonomic or explanatory, static or dynamic]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1989. No 1. P. 5–15.
16. Testelec Y. G. *Vvedenie v obshchij sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 800 p.
17. Alpatov V. M. Aleksandr Evgenjevich Kibrik: ot strukturalizma k novym ideyam [Alexandr Evgen'evich Kibrik: from structuralism to new ideas]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Medunarodnoj konferentsii «Dialog»*. Issue 12 (19). Moscow: RGGU, 2013. P. 17–26.
18. Fedorova O. V. Aleksandr Evgenjevich Kibrik [Aleksandr Evgenjevich Kibrik]. *Otechestvennye lingvisty XX veka* [Russian Linguists of the 20th Century]. Ed. by V. V. Potapov. Moscow: YaSK, 2016. P. 227–243.
19. Raspopov I. P. Sistema yazyka i ejo urovni [The language system and its levels] *Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniyu* [Essays on Russian and Slavic Studies]. Voronezh: Publ. VGU, 1976. P. 134–153.
20. Lomova T. M., Chirko T. M. K voprosu o grammaticheskoy periferii: glagol fail kak “kontekstnyj vytesnitel” [On the question of grammatical periphery: the verb fail as contextual displacer]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, Communication and Social Environment]. Issue 12. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS, 2014. P. 241–254.
21. Bondarko A. V. *Grammaticheskaya kategoriya i kontekst* [Grammatical Category and Context]. Leningrad: Nauka, 1971. 112 p.
22. Raspopov I. P., Lomov A. M. *Osnovy russkoj grammatiki: Morfologiya i sintaksis* [Foundations of the Russian Grammar: Morphology and Syntax]. Voronezh: Publ. VGU, 1984. 361 p.
23. Shelyakin M. A. Russkie vozvratnye glagoly v obshhej sisteme otnoshenij zalogovosti [Russian Reflexive Verbs in the General Voice Relations System]. *Teoriya funkcional'noj grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* [Theory of Functional Grammar. Personality. Voice]. St. Petersburg: Nauka, 1991. P. 312–326.
24. Lukina S. L. Russkie vozvratnye glagoly i ikh anglijskie ekvivalenty [Russian reflexive verbs and their English equivalents]. PhD Dissertation Abstract. Voronezh: Voronezh State University, 2001. 16 p.
25. Knyazev Y. P. *Grammaticheskaja semantika: Russkij Yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical Semantics: the Russian Language in the Typological Perspective]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2007. 704 p.
26. Bulygina T. V., Shmelev D. A. *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Language Conceptualization of the World (on the Data of the Russian Grammar)]. Moscow: School “Yazyki Russkoj Kul'tury”, 1997. 576 p.
27. Vinogradov V. A. Variativnost' imennykh klassifikatsii [Variability of Nominative Classifications]. *Yazyki mira: problem yazykovoj variativnosti*. [Languages of the World: Problems of Language Variability]. Moscow, 1990. P. 171–209.
28. Fillmore Ch. J. The mechanisms of “Construction Grammar”. *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society 14*. 1988. – P. 35–55.
29. Rakhilina E. V. *Lingvistika konstruktiv [Construction Linguistics]*. Moscow: Azbukovnik, 2010. 584 p.
30. Karasik V. I. *Kategorial'nye priznaki v znachenii slova* [Categorial features in the meaning of the word]. Moscow: MOPI, 1988. 112 p.
31. Lomov A. M. *Russkij sintaksis v alfavitnom porjadke: Ponyatijnyj slovar'-spravochnik* [Russian syntax in the alphabetical order: conceptual reference dictionary]. Voronezh: Publ. VGU, 2004. 400 p.
32. Chirko T. M., Lomova T. M. Skrytaya grammatika i jazykovaya kompetentsiya obuchaemykh [Covert grammar and learner's language competence]. *Aktual'nye problemy yazykovogo obrazovaniya v Rossii XXI veka: mezhdunarodnaya nauchno-metodicheskaya konferentsiya*. Voronezh, 2000. V. 1. P. 149–155.
33. Chirko T. M., Lomova T. M. Sintagmatika aktual'nykh smyslov i ejo paradigmaticeskije osnovaniya [Syntagmatics of actual senses and their paradigmatic basis]. *Vestnik VGU: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*. 2008. No 3. P. 7–11.
34. Lomova T. M., Chirko T. M. «Jazyk kak frazeologija»: opyt leksiko-sintaksicheskogo opisanija [“Language as phraseology”: the attempt at lexico-syntactic description]. *Jazyk, kommunikatsiya i social'naya sreda* [Language, communication and social environment]. Issue 8. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS, 2010. P. 202–212.
35. Rakhilina E. V., Plungyan V. A. O leksiko-semanticheskoy tipologii [On the lexico-semantic typology]. *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaja tipologija*. Ed. by T. A. Majsak, E. V. Rakhilina. Moscow: Indrik, 2007. P. 9–26.
36. Kashkin V. B. Faktornaya model' grammaticheskogo dejstviya i perevod [Factor model of grammatical action and translation]. *Vestnik VGU: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*. 2002. No 2. P. 65–70.
37. Mel'nikov G. P. *Sistemologiya i yazykovye aspekty kibernetiki* [Systemology and Language Aspects of Cybernetics]. Ed. by Yu. G. Kosarev. Moscow: Soviet Radio Publ., 1978. 368 p.
38. Stefanowitsch A., Gries S. T. Collocations: Investigating the interaction of words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2003. № 8. P. 209–243.
39. *Natsional'nyj korpus russkogo yazyka*. [National corpus of the Russian Language]. Available at: <http://rus-corpora.ru>
40. *Collins COBUILD English Grammar*. Harper Collins Publishers, 1990. 486 p.

41. Merkulova I. A. Leksicheskaja nukleologija slavyanskikh jazykov [Lexical nucleology of the Slavic languages]. Doctoral Dissertation Abstract. Tver': Tver' State University, 2018. 35 p.

*Воронежский государственный университет
Картавцев В. Н., аспирант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
E-mail: kartavtsev-study-2012@yandex.ru*

42. Boriskina O. O. Donina O. V. Anglijskij kriptoklass "Res Longa" ili I vse-taki oni kolutsya [English cryptotype "Res Longa" or They are prickly anyway]. *Problemy leksiko-semanticheskoy tipologii* [Issues in Lexical and Semantic Typology]. Voronezh, 2011. P. 84–95.

*Voronezh State University
Kartavtsev V. N., Post-graduate Student of the
Theoretical and Applied Linguistics Department
E-mail: kartavtsev-study-2012@yandex.ru*